

И.Г.Коновалова

ПОХОД СВЯТОСЛАВА НА ВОСТОК В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ЗА «ХАЗАРСКОЕ НАСЛЕДСТВО»

I.G.Konovlova. The oriental policy of Svatoslav in the context of international struggle for «khazarian heritage».

The eastern campaign of Svatoslav is commonly viewed as a matter of bilateral Rus-Khazar relations that put an end to Khazarian state. Meanwhile the study of muslim sources containing information about the collapse of Khazaria and the international situation in the Lower Volga region in the second half of the Xth century shows that the disappearance of Khazaria from the political map of Eastern Europe exceeded the limits of bilateral Rus-Khazar relations. It was a result of interaction of several forces involved in the struggle for «khazarian heritage» — the Rus, Khwarezm, the Volga Bulghars, the Turks, Sharvan. Svatoslav managed to draw the western regions of Khazaria into the zone of russian influence but his further extension to the east was only a relative success and in the end did not lead to the strengthening of the Rus in the Lower Volga region.

Походу Святослава на Хазарию посвящена обширная историография, в которую внесли свою лепту как историки-русисты, так и востоковеды и археологи. При этом, если в работах ориенталистов делались попытки обратить внимание на международную обстановку, сложившуюся в то время в районе Нижней Волги благодаря политике соседних с Хазарией стран (Marquart 1903: 474–475; Бартольд 1963: 847–851; Validi Nogan 1939: 319; Артамонов 1962: 426–431; Калинина 1976: 90–101; Новосельцев 1990: 219–231), то специалисты по истории Древней Руси предпочитали рассматривать восточный поход Святослава, главным образом, как факт двусторонних русско-хазарских отношений, их, так сказать, финальный аккорд, положивший конец Хазарскому каганату как государству (Греков 1953: 334–335, 456–460; Пашуто 1968: 93–95; Гадло 1971: 59–63; Сахаров 1991: 40–48, 91–97). Задачи нашего исследования требуют сочетания обоих подходов к проблеме, что позволит оценить восточную политику Древней Руси как элемент системы международных отношений второй половины X в.

В изучении конкретных вопросов, связанных с походом Святослава на Хазарию, до сих пор есть немало неясностей. В частности, нет единства мнений относительно того, сколько раз ходили русы на хазар — один или два; какие цели преследовал Святослав, посылая войска на восток; каким образом это военное предприятие повлияло на взаимоотношения Руси с кочевниками, Волжской Булгарией, народами Северного Кавказа, Византией; какую роль в падении Хазарии сыграли ее соседи — Булга-

рия, Хорезм, Ширван и кочевники.

Круг источников, традиционно привлекаемых для разработки этого сюжета, после публикации И.Х.Крамерсом в 1938–1939 гг. более полной редакции труда Ибн Хаукала по стамбульской рукописи 1086 г. остается практически неизменным — это Повесть временных лет и сочинения арабских географов и историков Ибн Хаукала и ал-Мукаддаси (X в.), Ибн Мискавайха (XI в.) и Ибн ал-Асира (начало XIII в.). Сообщение Ибн Хаукала вкратце пересказывает Ибн Са'ид (вторая половина XIII в.), а к труду Ибн ал-Асира восходят известия ад-Димашки (первая треть XIV в.). Сведения источников в отдельных — причем весьма существенных — деталях расходятся между собой. Например, под 965 г. Повесть временных лет говорит о походе Святослава на хазар (ПСРЛ. Т. I. Стб. 65; Т. II. Стб. 53), а Ибн Мискавайх и Ибн ал-Асир — о нападении на хазар каких-то тюрок (Ибн Мискавайх: 209; Ибн ал-Асир. Т. VIII: 418); Ибн Хаукал сообщает о том, что пришедшие «из Рума», то есть из Византии, русы обрушились на хазар и их соседей в 358 г.х. (с 25 ноября 968 по 13 ноября 969 г.) (Ибн Хаукал/Крамерс: 393, 397; Ибн Хаукал: 286), а согласно Повести временных лет, Святослав провел все это время в Киеве подле умирающей матери, поглощенный своими планами о перенесении столицы государства с берегов Днепра в Нижнее Подунавье (ПСРЛ. Т. I. Стб. 65–69; Т. II. Стб. 53–56).

В связи с необходимостью как-то объяснить столь разноречивые данные был высказан целый ряд соображений: так, предлагалось допустить, что под «тюрьками» арабских авто-

ров на самом деле скрываются русы (Бартольд 1963: 847–852; Dunlop 1954: 244; Артамонов 1962: 431), или рассматривать этих «тюрок» — печенегов либо огузов — в качестве союзников Святослава (Validi Togan 1939: 319; Толстов 1948: 252; Калинина 1976: 94; Плетнева 1986: 71–72; Новосельцев 1990: 225–226), или считать, что в 969 г. из Киева на Волгу было послано войско, которым Святослав лично не командовал (Калинина 1976: 97; Новосельцев 1990: 9, 226–227), или полагать, будто датировка похода в Повести временных лет целиком соответствует действительности, а дата Ибн Хаукаля относится не ко времени похода, а к моменту записи ученым рассказов хазарских беженцев (Бартольд 1963: 849–850; Якубовский 1946: 470–471; Артамонов 1962: 427; Минорский 1964: 26; Сахаров 1991: 45). Нетрудно заметить, что попытки примирить данные различных источников опираются на априорное представление о том, что в сообщениях древнерусского летописца о походе Святослава, с одной стороны, и рассказах арабских ученых о военных действиях русов на Нижней Волге — с другой, всякий раз говорится об одном и том же событии, в котором должны были принимать участие одни и те же действующие лица. Между тем даже беглый взгляд на источники информации как летописи, так и арабских авторов предостерегает от прямого сопоставления сведений этих двух групп источников.

Собственно говоря, идея о том, что в древнерусских, с одной стороны, и в восточных источниках — с другой, может идти речь о разных событиях, не нова. Она была предметом оживленной научной полемики в первой трети прошлого столетия. Ф.Вестберг, Й.Маркварт, Э.Квален утверждали, что поход Святослава на хазар в 965 г. был никоим образом не связан с экспедицией на Нижнюю Волгу в 969 г., которую, по мнению этих ученых, совершили не киевские русы, а скандинавские норманны (Marquart 1903: 474; Вестберг 1908: 5; Kvalen 1931: 3); в настоящее время сходную точку зрения отстаивает Р.Г.Скрынников (Скрынников 1995: 32–33). С предположением о том, что было два похода на Хазарию, участники каждого из которых прибыли из разных мест, согласился В.А.Мошин (Мошин 1933: 193–195). Он в то же время не поддержал мысль о появлении на Волге скандинавов, сославшись на то, что «ни один источник не называет скандинавских норманнов X века — русью». Поход 969 г. В.А.Мошин приписывал азово-черноморским русам (Мошин 1933: 196–206), что уже ранее было высказано В.А.Пархоменко (Пархоменко 1924: 53, 90). Сторонники обеих изложенных точек зрения, таким образом, только поход 965 г. рассматривают как элемент государственной политики Древней Руси, а в событиях 969 г. главную роль отводят независимым от Киева отрядам норманнов, при-

шедших на Волгу либо из Скандинавии, либо из Приазовья или Византии.

В дальнейшей историографии вопрос о том, откуда пришли русы в Нижнее Поволжье в 969 г., долгое время обходили стороной, причем опровержением уже высказанных на этот счет взглядов не занимались. Молчаливо предполагалось, что русы могли появиться на Нижней Волге только из Киева, а полемика свелась, в основном, к вопросу о том, сколько состоялось походов — один или два (Греков 1953: 456; Рыбаков 1966: 495; Пашуто 1968: 93; Гадло 1971: 59–61; Сахаров 1991: 91–97). Вместе с тем в ряде исследований, выполненных за последние два десятилетия, наметился отход от попытки однозначного определения политической принадлежности русов, нападавших на города Нижнего Поволжья. Не сомневаясь в том, что поход на Волгу 969 г. следует рассматривать в рамках внешней политики Древнерусского государства, Т.М.Калинина и А.П.Новосельцев допускают, что к войскам из Киева могли присоединиться и отдельные отряды норманнов (Калинина 1976: 98; Новосельцев 1990: 229–230).

Составитель Повести временных лет, хотя и очень кратко, но излагает все наиболее важные события восточной кампании Святослава: он говорит о направлении похода, о состоявшемся сражении, о взятии хазарской крепости, о покорении ясов и касогов и о последующем возвращении князя в Киев (ПСРЛ. Т. I. Стб. 65; Т. II. Стб. 53). Никаких видимых лакун в изложении нет. Географический ареал указанных сведений Повести охватывает Подонье, Приазовье и Прикубанье. В то же время ни об одном политическом событии, имевшем место в районе Нижней Волги не только в 60-е гг. X в., но и вообще на всем протяжении IX–XII вв., древнерусский летописец нигде не сообщает. Да и о самом Нижнем Поволжье автор летописи знает только то, что Волга «течет на восток в часть Симову» и «впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 7; Т. II. Стб. 6). Что же касается арабских авторов, то их данные о связанных с русами событиях 965–969 гг. весьма отчетливо локализуются как раз в Нижнем Поволжье, но вместе с тем в мусульманских источниках отсутствуют указания, которые позволили бы безоговорочно отождествить этих русов с воинами Святослава.

Согласно Повести временных лет, ближайшей целью похода Святослава на Хазарию было стремление подчинить себе вятичей, являвшихся в то время данниками хазар. Недаром летописную статью 965 г., повествующую о победе над хазарами, ясами и касогами, обрамляют известия о походе князя к вятичам: первый раз — в 964 г., когда он узнал о том, что вятичи платят дань хазарам, и вторично — в 966 г., когда Святослав сам возложил на вятичей дань (ПСРЛ. Т. I.

Стб. 64–64; Т. II. Стб. 52–53). В дальнейшем, по данным летописи, внешнеполитические интересы Святослава полностью сосредоточились на балканском направлении, если не считать вынужденного отражения печенежского нападения на Киев в 968 г. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 65–67; Т. II. Стб. 53–55). Таким образом, географической ареной его действий в 964–966 гг. были, во-первых, бассейн Оки, где обитали вятичи, во-вторых, Подонье, где им была взята хазарская крепость Саркел, и в-третьих, Прикубанье — земли алан (ясов) и адыгов (касогов). Все эти территории либо со временем вошли в состав Древнерусского государства, либо были весьма тесно с ним связаны. Поэтому восточный поход Святослава 965 г., судя по сообщениям Повести, был хорошо продуманным и результативным предприятием.

В Повести временных лет нет упоминаний ни о походах Святослава на Нижнюю Волгу, ни о посылке в этот район каких-либо военных отрядов из Киева. Волга (к тому же не Нижняя, а Средняя) упоминается лишь в статье 964 г., где говорится о том, что Святослав «пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 65; Т. II. Стб. 53). Следуя таким маршрутом, Святослав должен был бы выйти к Волге где-то в районе Волжской Булгарии, что, возможно, и могло входить в его первоначальные намерения, но, скорее всего — судя по контексту сообщения, — он ограничился знакомством с бассейном Оки, где проживали вятичи. Не исключено, как это предполагал А.П.Новосельцев, что дальнейшему продвижению Святослава на восток в 964 г. помешали хазары, чем отчасти и спровоцировали его поход 965 г. (Новосельцев 1990: 225).

Отсутствие в Повести временных лет каких-либо сведений о действиях Святослава, локализуемых в низовьях Волги, представляется не случайным прежде всего по той простой причине, что трудно вообразить, зачем вообще мог понадобиться правителям Киева тотальный разгром торговых городов Итиля и Самандара, страшную картину обезлюдения которых рисует со слов самих хазарских беженцев Ибн Хаукал. Русские купцы начали осваивать бассейн Каспийского моря еще в IX в., а к середине X в., по словам арабского энциклопедиста ал-Мас'уди, в Итиле уже имелась колония русов и славян, которые компактно проживали в восточной, купеческой, части города и пользовались судебным иммунитетом (Мас'уди/Мурудж: 11). Положение русских торговых людей в столице Хазарии в середине X в. было, по всей вероятности, вполне благоприятным, ибо, согласно тому же ал-Мас'уди, русы и славяне служили в войске хазарского царя, а также входили в состав его челяди (Мас'уди/Мурудж: 12). Численность славяно-русской гвардии, по прибли-

тельным подсчетам, могла составлять около 5 тысяч воинов¹.

Русские купцы посещали и Булгар, который, по данным ал-Истахри, был связан с Киевом сухопутным маршрутом (Истахри: 225; Ибн Хаукал/Крамерс: 397). Экономическое присутствие русских на Нижней Волге было столь значительным, что Ибн Хаукал называл Атил-Волгу «Русской рекой» (Ибн Хаукал/Крамерс: 388). Захват западных областей каганата, прежде всего Тамани и Нижнего Подонья вместе со стратегически важным Саркелом, открывали перед Русью новые перспективы по эксплуатации Волго-Донского пути, вследствие чего и Киев, и жители русской колонии в Итиле были больше заинтересованы в стабильном функционировании Волжского торгового пути, чем в разрушении хазарской столицы. Как уже неоднократно отмечалось в историографии, захват русами богатого закавказского города Бердаа в первой половине 40-х гг. X в. наглядно продемонстрировал, что в политике русов (как бы ни решался вопрос о том, откуда они пришли) явно наметился переход от разбойных набегов на области Прикаспья к попыткам обеспечить эффективное управление завоеванной областью при сохранении привычного образа жизни для местного населения (историография см.: Половой 1961: 100–102). Таким образом, причины разгрома Итиля следует искать, на наш взгляд, не столько в гипотетических действиях Святослава, сколько в той политической обстановке, которая сложилась на Нижней Волге в середине — второй половине 60-х гг. X в.

Представители русской колонии в Итиле были не единственной экономической и политической силой в городе. Помимо самих хазар, в Итиле находилось большое число выходцев из стран ислама — купцов и ремесленников, всего около 12 тысяч человек, по данным ал-Истахри (Истахри: 221). В это число не входили члены мусульманской гвардии хазарского царя, которая комплектовалась за счет выходцев из окрестностей Хорезма и в арабских источниках носила название *ал-лариси́я* или *ал-арси́я* (Мас'уди/Мурудж: 10–12). В.Ф.Минорский предложил толковать это наименование как указание на то, что гвардейцы происходили из алан, издавна обитавших в Средней Азии (Минорский 1963: 194). Мусульманская гвардия насчитывала в середине X в., по данным ал-Мас'уди, около 7 тысяч всадников в кольчугах и

¹ Арабские авторы первой половины X в. (ал-Истахри и ал-Мас'уди) сообщают, что хазарское войско насчитывало в общей сложности 12 тыс. человек, из которых мусульманские воины составляли около 7 тыс. Поскольку известно, что хазарское войско комплектовалось также за счет русов и славян, то можно предположить, что численность последних была около 5 тыс. человек (см.: Новосельцев 1990: 121).

панцирях, вооруженных луками (Мас'уди/Мурдж: 11), и была достаточно автономным от центральной власти образованием. Гвардейцы как члены мусульманской общины подчинялись ее главе, который избирался каганом из состава гвардии и осуществлял, помимо функций имама, также практическое руководство делами общины, обладавшей правом судебного иммунитета. Последнее обстоятельство заключало в себе возможность самостоятельных выступлений гвардии на политической арене. Тому пример — события 912/913 гг., когда мусульмане Итиля вынудили хазарского царя позволить им жестоко расправиться с возвращавшимися из каспийского похода русами (Коновалова 1999: 116–118); понятно, что боеспособной частью итильских мусульман были именно гвардейцы-*ларисийа*.

Попытаемся восстановить последовательную картину событий в Хазарии в 965–969 гг. так, как она вырисовывается по всем известным на сегодняшний день источникам.

О том, что случилось в 965 г., говорится в Повести временных лет, а также в сочинениях Ибн Мискавайха и следовавшего за ним в изложении событий Ибн ал-Асира. Оба арабских автора сообщают о состоявшемся в этом году² нападении на страну хазар некоей группы (*таифа*) тюрок, обращении хазар за помощью к правителю Хорезма, который прогнал тюрок, после того как хазары согласились принять ислам. Ибн Мискавайх говорит о принятии ислама всеми хазарами, за исключением царя, а по утверждению Ибн ал-Асира, мусульманином стал также и хазарский царь (Ибн Мискавайх: 209; Ибн ал-Асир. Т. VIII: 418).

Следующее датированное известие принадлежит Ибн Хаукалу, в сочинении которого трижды говорится о разгроме Хазарии. Сообщения Ибн Хаукала неоднократно переводились, в том числе совсем недавно (Калинина 1976: 91–95; Новосельцев 1990: 221–222), поэтому отметим только основные упоминаемые им факты. В 358 г.х., т.е. в период с 25 ноября 968 по 13 ноября 969 г., русы захватили земли болгар, бургасов и хазар, опустошив города Булгар, Хазаран, Самандар и Итиль, после чего разделились на две группы и отправились в Византию (*ар-Рум*) и Испанию (*ал-Андалус*). Жители Итиля и Самандара, спасаясь от русов, покинули свои города, причем люди из хазарской столицы нашли убежище на островах Баб ал-абваб и Сийах-кух³. Большинство беженцев позднее вернулись в Итиль и Хазаран

при содействии ширваншаха Мухаммада ибн Ахмада ал-Йазиди (981–991) (Ибн Хаукал/Краммерс: 14, 393, 397; Ибн Хаукал: 286).

Наконец, имеется еще одно недатированное сообщение ал-Мукаддаси, которое в некоторых деталях существенно отличается от известий прочих авторов. Ал-Мукаддаси, ссылаясь на дошедшие до него слухи, пишет: «Я слышал, что ал-Ма'мун напал на хазар со стороны ал-Джурджанийи, покорил их и призвал к исламу. Еще потом я слышал, что войско из ар-Рума, которых зовут ар-Рус, напало на них и овладело их страной» (Мукаддаси: 361; Мукаддаси/Сериков: 288).

Даже беглого взгляда на приведенные данные источников достаточно, чтобы увидеть, что падение Хазарии выходит за рамки двусторонних русско-хазарских отношений. Исчезновение каганата с политической карты Восточной Европы было системным явлением, результатом политического взаимодействия нескольких сил — Хазарии, Руси, Хорезма, кочевников-тюрок, Ширвана.

В связи с анализом названных источников встает ряд вопросов, принципиально важных для толкования содержащихся в них сведений. Это, во-первых, локализация событий во всех источниках (кроме сочинения Ибн Хаукала, четко называющего место действия); во-вторых, идентификация народа, обозначенного у Ибн Мискавайха и Ибн ал-Асира как «тюрки»; в-третьих, хронология сообщения ал-Мукаддаси; в-четвертых, определение того, что за русы напали на Хазарию в 969 г. Мы не будем специально рассматривать вопрос о количестве походов русов на Хазарию, так как считаем, что гипотеза о том, что состоялись два похода, в 965 и 969 гг., является достаточно аргументированной после исследований Т.М.Калининой (Калинина 1976: 91–93) и А.П.Новосельцева (Новосельцев 1990: 225–227).

Начнем с событий 965 г. Повесть временных лет, как мы уже выяснили выше, повествует о состоявшемся в этом году походе Святослава на Дон и в Приазовье, арабские же авторы говорят о вторжении неких «тюрок» в «страну хазар», не указывая, где конкретно появились нападавшие. Однако из их дальнейшего повествования становится ясно, что внезапное появление тюрок поставило под угрозу само существование Хазарского государства, поэтому мы вправе предположить, что тюрки угрожали Итилю, где находилась резиденция кагана. На мысль о том, что описываемые в

² Ибн Мискавейх специально не датирует известие, но помещает его среди событий 354/965 г.

³ Топоним «Баб ал-Абваб» («Ворота ворот») — одно из названий г. Дербента, крупного торгового порта на западном побережье Каспия. По предположению В.Ф.Минорского, Ибн Хаукал мог иметь в виду какой-то участок земли в устье Терека (Минорский 1963: 152). Название «Сийах Кух» в переводе с персидского означает «Черная гора». Арабо-персидские географы X в. использовали это наименование для обозначения гористого полуострова Мангышлак, а также лежащего к востоку от него плато Устюрт. Как полагают, в таком же значении употребляет этот топоним и Ибн Хаукал (Минорский 1963: 152; Новосельцев 1990: 246, прим. 615).

арабских источниках события 965 г. разворачивались в районе Нижней Волги, наводит и упоминание об исключительной роли Хорезма в отражении набега тюрков на Хазарию. По всей видимости, к Хорезму, тесно связанному с Нижним и Средним Поволжьем (Коновалова 2001в: 183–190), и восходили источники сведений Ибн Мискавайха и Ибн ал-Асира. Если древнерусский летописец описывал падение Хазарии, глядя с запада, то арабские авторы имели возможность наблюдать за событиями с востока. Таким образом, в 965 г. военные действия на территории Хазарии охватывали, с одной стороны, низовья Дона и Приазовье, куда отправился Святослав, а с другой — Нижнее Поволжье, куда вторглись некие «тюрки».

Вопрос о том, кто скрывается под нападшими на Хазарию в 965 г. «тюрками», до сих пор вызывает споры в историографии. Предлагаются следующие варианты идентификации: русы (Бартольд 1963: 847–852; Dunlop 1954: 244), печенеги (Якубовский 1946: 470–472), огузы (Validi Togan 1939: 319; Толстов 1948: 252; Пашуто 1968: 91; Плетнева 1986: 71–72⁴; Чарный 2000: 29–30). М.И.Артамонов и Т.М.Калинина усматривают в «тюрках» совокупное обозначение русов и их возможных союзников — печенегов и (или) огузов (Артамонов 1962: 431; Калинина 1976: 94).

Отождествление «тюрков» Ибн Мискавайха и Ибн ал-Асира с русами основывается на уверенности в том, что Повесть временных лет и оба арабских автора описывают одни и те же события, в то время как это еще надо доказывать. Хотя отдельные мусульманские авторы относили русов к тюркской этнической общности (Коновалова 2000: 240; Коновалова 2001б: 98), маловероятно, чтобы такой писатель, как Ибн Мискавайх, мог принять русов за тюрков. В том же Хорезме, к которому восходят источники информации Ибн Мискавайха о Хазарии, тюрки были прекрасно известны и их не путали с другими народами. Ибн Мискавайх был младшим современником событий, приведших к падению Хазарии; он знал русов как отдельный народ, имел представление об их месте жительства и о совершаемых ими экспедициях на Каспий — достаточно вспомнить его подробный рассказ о пребывании русов в Бердаа в первой половине 40-х годов X в. (Коновалова 1999: 118–119).

Участие печенегов в качестве самостоятельной силы в событиях 965 г. на Нижней Волге представляется невозможным по той причине, что к этому времени основная арена деятельности печенежских племен находилась далеко к западу от Волги. К тому же печенеги как раз в это время являлись объектом визан-

тийской дипломатии, отнюдь не заинтересованной в усилении Руси за счет Хазарии (Константин: 36–45).

Наиболее обосновано предположение о появлении в Нижнем Поволжье тюркского племени огузов (араб. *гузы*), и раньше беспокоившего своими набегами как Хазарию, так и Хорезм. В X в. кочевья огузов занимали обширную территорию Приаралья и Восточного Прикаспья, гранича на востоке с Северным Хорезмом, а на западе — с хазарами и бургасами на Волге. О вражде хазар и огузов есть сведения у Ибн Фадлана, который упоминает содержащихся у хазар пленников-огузов, а также пишет о связях огузов с соперниками Хазарии — волжскими булгарами (Ковалевский 1956: 127–128). По данным ал-Мас'уди, огузы в первой половине X в. нередко вторгались в пределы Хазарии, доходя до Таманского полуострова (Мас'уди/Мурудж: 19). Следует заметить, что о вторжении «тюрков» говорят лишь те арабские источники, в которых подробно рассказывается о роли Хорезма в событиях на Волге, и это, скорее всего, не случайно. Обращение хазар за помощью против огузов именно к Хорезму было естественным, поскольку хорезмийцы и сами сильно страдали от ежегодных набегов этих тюркских племен.

Действовали ли огузы в 965 г. самостоятельно, или же они являлись союзниками Святослава? Дать определенный ответ на этот вопрос, наверное, не удастся, вследствие полного молчания наших источников, хотя сама по себе одновременность нападения наводит на мысль о возможной согласованности действий русов и огузов (известных на Руси под названием «торков»). Как уже отмечалось в литературе, в пользу союза косвенно может свидетельствовать развитие русско-торческих отношений в более позднее время (Новосельцев 1990: 227). В этой связи обычно вспоминают сообщение Повести временных лет под 985 г. о походе Владимира на болгар, осуществленном при помощи торков (ПСРЛ. Т. I. Стб. 84; Т. II. Стб. 71), а также имевшее место много позже вхождение части торков в дружественный Киеву союз Черных клобуков (Плетнева 1990: 74–78). Еще одним аргументом в пользу договоренности Киева с огузами о совместном выступлении против Хазарии служат результаты археологических исследований на территории Саркела-Белой Вежи, благодаря которым установлено, что часть населения крепости в древнерусский период ее истории составляли именно огузы (Артамонов 1962: 316; Плетнева 1986: 67; Она же 1996: 137). Писавший незадолго до похода Святослава Константин Багрянородный, оценивая расстановку политических сил на юге Восточной Европы, отмечал, что огузы (греч. *узы*) способны воевать с хазарами (Константин: 50–51).

Датированные 965 г. сообщения Ибн Мис-

⁴ В другой своей работе С.А.Плетнева пишет, что в походе Святослава принимали участие печенеги (Плетнева 1990: 17–18).

кавайха и Ибн ал-Асира о помощи хазарам со стороны Хорезма, по всей вероятности, отражают события, на самом деле охватывавшие куда более длительный промежуток времени. В 965 г., как справедливо предположила Т.М.Калинина, хазары обратились, скорее всего, не непосредственно в Хорезм, а к расквартированной в Итиле хорезмийской гвардии, которая вполне могла своими силами справиться с набегом кочевников-тюрок (Калинина 1976: 94).

Чтобы восстановить дальнейший ход событий на Волге, стоит отметить две детали в сообщении ал-Мукаддаси, благодаря которому сложившаяся в Нижнем Поволжье ситуация предстает в новом свете по сравнению с тем, как ее рисуют другие арабские авторы. Во-первых, в отличие от Ибн Мискавайха и Ибн ал-Асира, называющих в качестве действующих лиц тюрок и хорезмийцев, ал-Мукаддаси говорит о Хорезме и русах. Во-вторых, он недвусмысленно пишет о завоевательном характере похода хорезмийского эмира ал-Ма'муна и совершенно умалчивает о том, что завоеванию Хазарии Хорезмом предшествовала просьба самих хазар о помощи, в то время как это всячески подчеркивают Ибн Мискавайх и Ибн ал-Асир.

К сожалению, сообщение ал-Мукаддаси с трудом поддается датировке из-за того, что мы не знаем точные годы правления ал-Ма'муна ибн Мухаммада, эмира Северного (а с 995 г. — также и Южного) Хорезма⁵. Проанализировавший рассматриваемое известие ал-Мукаддаси А.П.Новосельцев обратил внимание на то, что оно находится в составе общего описания Хазарии, где изложение часто ведется с нарушением хронологии (Новосельцев 1990: 227). Поэтому можно допустить, что и в нашем сообщении имеет место хронологическая неувязка и сообщение о приходе русов следует отнести к их появлению на Волге в 969 г. Последнее тем более вероятно, что ал-Мукаддаси ссылается на то, что пишет на основании дошедших до него слухов, и, видимо, поэтому никак не датирует вторжения хорезмийцев и русов. Строго говоря, из самого рассказа ал-Мукаддаси не вытекает, что нашествие из Хорезма обязательно имело место до нападения русов, или наоборот: выражающее временные отношения слово, употребленное ал-Мукаддаси — «потом», — относится не к последовательности событий, а к тому, в каком порядке он получил сведения о них: «Я слышал, что ал-Ма'мун напал ... Еще потом я слышал, что войско из ар-Рума ...». Единственной имеющейся в нашем распоряжении

реальной датой для определения времени нападения хорезмийцев на хазар остается время написания сочинения. Сам ал-Мукаддаси сообщает, что закончил свой труд в 375 (985/986) г.; знакомый с рукописью его произведения арабский ученый-энциклопедист первой трети XIII в. Йакут приводит другую, но близкую к первой, дату — 378 (988/989) г. Сохранившиеся до нашего времени два манускрипта труда ал-Мукаддаси представляют, по заключению исследователей, две редакции сочинения, датированных в соответствии с указаниями ал-Мукаддаси и Йакута (Крачковский 1957: 211). Поскольку сообщение о походе из Хорезма на хазар содержится в обеих рукописях, завоевание Хорезмом Нижнего Поволжья должно быть отнесено ко времени до 985 г.

Таким образом, следующим после набега тюрок 965 г. событием на Нижней Волге следует признать появление здесь русов в 969 г., о котором пишет Ибн Хаукал. Откуда пришли эти русы? По словам Ибн Хаукала, разорив приволжские города, русы «отправились сразу после этого в страну ар-Руми и ал-Андалус», то есть в Византию и Испанию. Указание ал-Мукаддаси на то, что напавшие на Хазарию русы представляли собой «войско из ар-Рума», дает, как нам кажется, основания для сопоставления данных этого автора с вышеупомянутым сообщением Ибн Хаукала. Получается, что пришедшие в Поволжье из Византии русские воины туда же обратно и ушли, а другие русы — неизвестно, откуда взявшиеся, — отправились из Итилы в Испанию. В сообщениях восточных авторов есть и еще одна деталь, достойная внимания, а именно — войско русов не было единым, но состояло из отдельных отрядов, достаточно автономных друг от друга. Подобная практика была обычным явлением на Руси, и в Повести временных лет как раз для рассматриваемого нами периода имеются примеры автономных от центральной власти действий дружин Претича и Свенельда (ПСРЛ. Т. I. Стб. 65–66, 74; Т. II. Стб. 53–55, 61–62). Таким образом, мы можем сделать первый вывод из анализа наших источников: неоднородность войска русов, напавшего на Нижнее Поволжье в 969 г.

Резонно предположить, что русские воины «из Византии» имели отношение к военным действиям Святослава на Балканах. В 969 г. на болгарском фронте царило затишье, сам Святослав прибыл в Киев в 968 г., чтобы отразить набег печенегов. Единственным отмеченным летописцем военным предприятием русов в 968–969 гг. была борьба с печенегами, что не могло не привлечь внимание Святослава к положению дел на восточных рубежах своего государства, тем более, что незадолго до этого они были им существенно расширены. Вряд ли Святослав мог направить на восток значительные силы после того, как годом раньше убе-

⁵ Ал-Мукаддаси называет хорезмшаха Ма'муна ибн Мухаммада просто ал-Ма'муном, что побудило отдельных исследователей (А.Я.Гаркави, Й.Маркварт, Б.Н.Заходер) пытаться отождествить последнего с аббасидским халифом ал-Ма'муном (813–833). Ошибочность этой точки зрения была раскрыта В.В.Бартольдом и Д.М.Данлопом (историографию см.: Dunlop 1954: 246–247).

дился, сколь опрометчиво было бы оставлять Киев без должной защиты.

Нам, к сожалению, ничего не известно о том, что происходило в самой Хазарии и, в частности, в Итиле в период 965–969 гг. Из сообщений Ибн Мискавайха и Ибн ал-Асира следует, что требование о принятии хазарами ислама как непременном условии помощи против тюрок было предъявлено хазарам хорезмийцами уже в 965 г. Учитывая большой удельный вес мусульманской общины среди населения города, а также то, что наиболее значительной военной силой в Итиле были именно воины-мусульмане, можно полагать, что начало превращению Итиля в чисто мусульманский город было положено именно в 965 г. Естественно, принятие ислама хазарами не было единовременным актом и вызвало определенное замешательство при дворе, став, возможно, предметом торга между правящей верхушкой Хазарии и Хорезма. Ибн Мискавайх пишет, что ислам приняли все хазары, за исключением царя, а Ибн ал-Асир добавляет, что и царь принял ислам после того, как хорезмийцы прогнали тюрок.

В этих условиях дальнейшее пребывание в Итиле проживавших там русов могло стать весьма проблематичным. Если торговцы и ремесленники могли свернуть свои дела и покинуть Итиль, то отряду славяно-русских наемников, служивших хазарскому царю, по-видимому, предстояло сменить хозяина в связи с тем, что правитель Хазарии уже перестал быть реальной политической силой. На практике это означало, что и членам славяно-русской гвардии, скорее всего, предложили бы принять ислам. О том, что подобные попытки обратить в ислам наемников-русов, служивших тем или иным мусульманским правителям, имели место, мы знаем на примере поддерживавших в 987–989 гг. дербентского эмира Маймуна воинов-русов, которые были поставлены перед выбором — ислам или смерть (Минорский 1963: 68). Поэтому в сложившейся обстановке альтернативой продолжению службы, но уже на новых условиях, для русов и славян (или какой-то их части) мог быть либо добровольный уход из Нижнего Поволжья, либо попытка поставить город под свой контроль. Многочисленная славяно-русская гвардия, по всей видимости, не должна была сильно пострадать в ходе боевых действий, которые велись в 965 г. Маловероятно, чтобы славяно-русские воины были брошены на защиту Саркела, где им предстояло сражаться со своими единоплеменниками; набег же тюрок отражали хорезмийцы. Следовательно, у местных русов было достаточно сил для того, чтобы, если и не обратит ситуацию в свою пользу, то хотя бы, раз уж приходилось покидать Нижнее Поволжье, пограбить Итиль и другие хазарские города. Поэтому второй составной частью русского войска,

напавшего на Хазарию в 969 г., наряду с отрядами из Киева, была, на наш взгляд, местная славяно-русская гвардия из Итиля.

В связи с событиями на Нижней Волге в 60-х гг. X в. уместно вспомнить о составе участников каспийских экспедиций русов IX — первой половины X в. Предпринятое нами недавно рассмотрение устных преданий, сохранившихся в скандинавской и древнерусской традиции, позволяет полагать, что основными участниками каспийских походов были, с одной стороны, норманны, приходившие непосредственно из Скандинавии, а с другой — обитатели Верхней Руси: скандинавы, славяне и финно-угры, фигурирующие в мусульманских источниках под названием «русы» (Коновалова 2001а: 164–172).

Таким образом, в 969 г. нападение на город Хазарии, как нам представляется, совершили разные отряды русов — пришедшие из Киева воины Святослава, находившиеся в то время в Итиле гвардейцы утратившего власть хазарского царя, а также группы воинов из Верхней Руси. Каково было соотношение сил между разными отрядами русов и существовала ли какая-то координация их действий, данных нет.

Судя по сообщению Ибн Хаукала, русы обрушились на совершенно беззащитные земли хазар, буртасов, а также булгар, под которыми по контексту могут подразумеваться только волжские булгары. Достоверность сообщения Ибн Хаукала о разорении русами Волжской Булгарии оспаривается многими исследователями, не без оснований полагающими, что это упоминание о булгарах могло быть просто отражением весьма смутных данных о балканской кампании русов, которые дошли до ученого (Калинина 1976: 94–97; Новосельцев 1990: 225). Как явствует из всех рассказов Ибн Хаукала о походе 969 г., русы не встретили никакого сопротивления ни со стороны местных жителей, ни со стороны соседних государств, о позиции которых в связи с нападением русов вообще ничего не говорится. Создается впечатление, что в 969 г. русы были единственной реальной политической силой, способной влиять на ситуацию в Нижнем Поволжье. На это можно было бы возразить, что Ибн Хаукал, по его собственному утверждению, информацию о походе русов получил из уст хазарских беженцев, каждый из которых по понятным причинам вряд ли отчетливо представлял себе полную картину происшедшего, поскольку был участником или свидетелем лишь каких-то локальных событий. Эту особенность сведений Ибн Хаукала, конечно, не стоит сбрасывать со счетов, однако, следует также иметь в виду, что между его пребыванием в Южном Прикаспье, где ученый встречался с хазарскими беженцами, и созданием его сочинения прошло, как минимум, более десяти лет, в течение которых фактическое содержание труда продолжало пополняться. В частности, органической час-

тью одного из сообщений Ибн Хаукала о походе русов являются данные о возвращении беженцев в Хазарию при ширваншахе Мухаммаде ибн Ахмаде ал-Йазиди, правившем в 981–991 г. Это говорит о том, что Ибн Хаукал и после своего посещения Прикаспья продолжал интересоваться состоянием дел на Нижней Волге и вносить соответствующие заметки в свое сочинение. Поэтому, как нам представляется, молчание Ибн Хаукала относительно роли Хорезма следует понимать буквально, то есть как свидетельство военного невмешательства Хорезма в политическую ситуацию, складывавшуюся вокруг Хазарии, по крайней мере, до начала 80-х годов X в.

О том, как развивались события в Хазарии после похода русов 969 г., сколько-нибудь внятной информации источники, к сожалению, не содержат. Мы знаем только, что воины из Киева ушли обратно на Балканы, а один отряд русов отправился в Испанию. Если судить по данным Ибн Хаукала, то получается, что русы — во всяком случае, какая-то их часть — оставались в Нижнем Поволжье и после похода 969 г. По всей вероятности, костяк оставшихся составили бывшие гвардейцы хазарского царя, хорошо знакомые с местной обстановкой. В одном из своих сообщений о походе русов Ибн Хаукал пишет: «Не осталось в наше время почти ничего от болгар, бургасов и хазар, так как напали на них русы и захватили все их области, те же, кто спасся, рассеялись по соседним областям, надеясь, что [руссы] заключат с ними договор и они смогут вернуться, [поселившись] под их властью» (Ибн Хаукал: 286). Хазарские беженцы, согласно тому же Ибн Хаукалу, сумели вернуться в Итиль только в 80-х годах X в., причем их возвращение, по всей вероятности, проходило в отнюдь не безмятежной обстановке. Беженцам пришлось прибегнуть к содействию ширваншаха, который, по утверждению Ибн Хаукала, выступал гарантом их безопасности: «Дошло до меня, что большинство из них вернулись в Итиль и Хазаран при могущественном Мухаммаде ибн Ахмаде ал-Азди, владетеле ширваншахе, который оказал им помощь мужами и людьми, и они надеялись, просили, чтобы [те] заключили с ними договор и они были бы почетны им (ширванцам) за благодеяния по отношению к ним» (Ибн Хаукал/Крамерс: 393, 397).

Из приведенных выше двух отрывков можно заключить, что в 80-х годах X в. беспрепятственное возвращение хазарских беженцев в Нижнее Поволжье было невозможным, поскольку этот район находился под контролем русов. Характерно, что в изображении древнерусских и иных источников как раз период 80-х годов X в. отмечен активизацией русско-восточных контактов. Так, в Повести временных лет под 985 г. рассказывается о походе Владимира Святославича в союзе с торками «на болгар» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 84; Т. II. Стб. 71), в которых

усматривают волжских или приазовских болгар (Новосельцев 1990: 227). Иаков Мних сообщает (без даты) о походе того же Владимира против хазар (Зимин 1963: 66–75). В 986 г., согласно Повести временных лет, Владимир принимал послов из Волжской Булгарии (ПСРЛ. Т. I. Стб. 84–85; Т. II. Стб. 71–73). По данным арабских источников, в 987–989 гг. отряд русов принял участие в политической борьбе, развернувшейся в Дербенте между эмиром Маймуном, на стороне которого выступали русы, и городскими старейшинами (Минорский 1963: 68). Понятно, что обращение Маймуна за помощью к русам могло иметь какой-то практический смысл лишь при условии возможности их скорейшего появления в Дербенте. Русы прибыли в Дербент на 18 судах, и это указывает на их приход со стороны Волги, устье которой они сами, по-видимому, и контролировали. Возможно, что именно с интенсификацией политических контактов Руси на восточном направлении следует связывать повышенный интерес, который проявили к принятию христианства Древней Русью в 988 г. арабские и персидские авторы, приводящие в своих сочинениях сообщение о посольстве Владимира в Хорезм (Коновалова 1997: 67–73).

Таким образом, политический вакуум, сложившийся в Нижнем Поволжье в связи с падением Хазарского каганата в 969 г., был вплоть до 80-х годов X в. заполнен русами. В период с 981 по 991 г. в ситуацию на Нижней Волге вмешался Ширван под предлогом оказания помощи хазарским беженцам, стремившимся вернуться в родные места. При этом ширваншах Мухаммад ибн Ахмад ал-Йазиди руководствовался, в первую очередь, своими собственными политическими интересами, объективно делавшими его противником русов, которые поддерживали традиционного врага Ширвана — эмиров Дербента.

В 969 г., когда русы захватили Нижнее Поволжье, власть в Ширване перешла в руки Ибрагима ибн Марзубана, который приходился сыном Марзубану ибн Мухаммаду, воевавшему с русами в Бердаа еще в 944 г. Ибрагим сразу же развязал военные действия против Дербента, продолжавшиеся вплоть до 971 г. Усилия Ибрагима не увенчались успехом, так как эмиру Дербента Ахмаду удалось объединиться с горцами Сарира, а также привлечь воинов «из отдаленных областей» (Новосельцев 1990: 228). Т.М.Калинина и А.П.Новосельцев не без оснований полагают, что в число этих воинов, которых упоминает местная дербентская хроника, могли входить и русы (Калинина 1976: 98; Новосельцев 1990: 228). Это предположение основывается не только на том, что начиная с 969 г. русы находились на Нижней Волге, то есть сравнительно недалеко от Дербента, но и на дальнейшем развитии русско-дербентских отношений. Как мы уже упоминали, в 987 г.

военную опору эмира Дербента Маймуна (между прочим, сына вышеупомянутого эмира Ахмада) составляли отряды русов.

А.П.Новосельцев пишет, что «вероятно, надежды хазар на ширваншаха не оправдались и тогда они обратились к правителю Гурганджа» (Новосельцев 1990: 229). Однако в сообщении Ибн Хаукала о возвращении беженцев в Итиль оба употребленных им глагола — «вернулись» и «оказал помощь» — являются глаголами совершенного вида (как их, кстати, и переводит сам А.П.Новосельцев), что, скорее, говорит о том, что содействие ширваншаха хазарам было в какой-то степени эффективным. Обратиться же к Хорезму могли те беженцы, которые укрылись не в юго-западных областях каганата, а к востоку от него, на Мангышлаке и Устюрте.

С.П.Толстов датирует нападение Хорезма на хазар 985 г., считая его ответом на поход Владимира против болгар (Толстов 1948: 255). Доказать существование причинной связи между этими двумя событиями на материале сохранившихся источников невозможно. Однако совершенно очевидно, что именно в 80-е годы X в. развернулся новый (после 965–969 гг.) виток борьбы за обладание бывшими хазарскими землями, в который включились, помимо Хорезма, и другие стороны. Как мы уже говорили выше, ширваншах пытался распространить свое влияние на примыкавший к Нижнему Поволжью с юга Дагестан. С запада наступал великий князь киевский Владимир Святославич, совершивший походы на болгар и хазар. Поход Владимира на хазар, о котором сообщает Иаков Мних, в источнике не датирован, однако, принимая во внимание географию военных предприятий Владимира: 981 г. — походы на поляков и вятичей, 982 г. — вторичный поход на вятичей, 983 г. — поход на ятвягов, 984 г. — поход на радимичей (ПСРЛ. Т. I. Стб. 82–84; Т. II. Стб. 69–71), можно с уверенностью предполагать, что против хазар Владимир должен был отправиться не ранее 985 г. Логично было бы предположить, что походы на хазар и болгар могли состояться одновременно, то есть в 985 г., так как, по данным Повести временных лет, начиная уже со следующего, 986 г., Владимир был целиком поглощен религиозной реформой, в связи с чем, в изображении летописца, на первый план для Древней Руси вышли отношения с Византийской империей.

На каких хазар ходил Владимир и как далеко зашел он на восток, не вполне ясно. Маловероятно, чтобы его целью было Нижнее Поволжье, скорее, речь идет о бывших хазарских землях в Подонье и Приазовье, которые попа-

ли в сферу влияния Руси после похода Святослава и где еще, несомненно, должно было сохраниться какое-то хазарское население. Необходимость похода Владимира на восток диктовалась не в последнюю очередь стремлением не допустить, чтобы зависимые от Руси земли Хазарского каганата были втянуты в орбиту мусульманизации, которая при поддержке Хорезма (а возможно, и Волжской Булгарии) заметно усилилась в районе Нижнего Поволжья. Уже ал-Мукаддаси сообщал, что в Итиле «много мусульман» (Мукаддаси: 360; Мукаддаси/Сериков: 288).

По всей видимости, Хорезм, рассчитывая закрепиться на Нижней Волге, пытался завязать более тесные отношения с Русью, что было бы естественным шагом с его стороны, поскольку оба государства являлись торговыми партнерами (Коновалова 1998: 48–56; Коновалова 2001в: 183–190). В этой связи сообщение Повести временных лет о прибытии в Киев в 986 г. послов из Волжской Булгарии (являвшейся перевалочным пунктом на пути из Хорезма в Восточную Европу) с предложением принять ислам выглядит не просто элементом композиции рассказа об «испытании вер», но, возможно, и отражением действительно имевшего место факта. В пользу нашего предположения о намерении Хорезма сблизиться с Русью говорит и тот огромный интерес, с которым было воспринято крещение Руси в исламских странах и, в частности, в Хорезме, где это важнейшее событие в жизни Древнерусского государства получило оригинальную интерпретацию (Коновалова 1997: 67–73).

Таким образом, восточный поход Святослава и последующая политика Древнерусского государства на восточном направлении являлись частью общего движения, в результате которого Хазария была поглощена соседними державами. В борьбу за «хазарское наследство», помимо Руси, включились Хорезм и тесно связанная с ним Волжская Булгария, Ширван и кочевники-огузы. Святославу удалось обратить западные земли Хазарского каганата в зону влияния Руси, а его дальнейшее продвижение на восток имело лишь относительный успех и в конечном итоге не привело к закреплению русов на Нижней Волге. Появление же хорезмийцев в Нижнем Поволжье способствовало постепенному вытеснению русов из этого района. Во всяком случае, когда в 30-х годах XI в. русы вновь, как и в 987 г., стали участниками междоусобной борьбы на Кавказе, они прибыли туда не через устье Волги, а по суше (Минорский 1963: 70–71).

ИСТОЧНИКИ

Ибн ал-Асир — Ibn el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. C.J.Tornberg. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1866. T. VIII.
Ибн Мискавайх. — The concluding portion of the

Experiences of the Nations by Miskawaihi ... / Arabic text, ed. H.F.Amedroz. Oxford, 1921. T. II.
Ибн Хаукал — Kitab al-masalik wa-l-mamalik auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni

- Batavorum, 1873.
- Ибн Хаукал/Крамерс — *Opus geographicum auctore Ibn Haukal ...* ed. J.H.Kramers. Lugduni Batavorum — Lipsiae, 1938.
- Истахри — *Viae regnorum: Descriptio dittonis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri* / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870.
- Константин — Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. М., 1989.
- Мас'уди/Мурудж — *Masoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C.Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. T. II.*
- Мукаддаси — *Descriptio imperii moslemici auctore ... al-Mokaddasi / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877.*
- Мукаддаси/Сериков — Ал-Мукаддаси. Ахсан ат-таксим ... ад-Дайлам и ар-Рихаб / Пер. с араб. (под ред. В.М.Бейлиса), введ., коммент., указ., карты, табл. Н.И.Серикова // *Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1994. Вып. 2. С. 268–333.*
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I; 1998. Т. II.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.
- Бартольд В.В. 1963. Арабские известия о русах // Бартольд В.В. Сочинения. М. Т. II (1). С. 810–858.
- Вестберг Ф. 1908. К анализу восточных источников о Восточной Европе // *ЖМНП. Новая сер. Ч. XIV. № 3–4. С. 1–52.*
- Гадло А.В. 1971. Восточный поход Святослава (к вопросу о начале Тмутороканского княжения) // *Проблемы истории феодальной России. Л. С. 59–67.*
- Греков Б.Д. 1953. Киевская Русь. М.
- Зимин А.А. 1963. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // *КСИС. № 37. С. 66–75.*
- Калинина Т.М. 1976. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975 г. М. С. 90–101.*
- Ковалевский А.П. 1956. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.
- Коновалова И.Г. 1997. Принятие христианства Древней Русью и страны Востока // *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность. Доклады Второй Международной научно-практической конференции 11–14 августа 1997 г. Кн. первая. М.; Иркутск; Тэгу. С. 67–73.*
- Коновалова И.Г. 1999. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // *Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т.Пашуто. М. С. 111–120.*
- Коновалова И.Г. 2000. Библийские генеалогии народов Центральной Азии в арабо-персидской литературе домонгольского времени // *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы междунауч. конфер. Улан-Удэ. Т. III. С. 237–241.*
- Коновалова И.Г. 2001а. Русы на Каспии в IX — первой половине X в. (К вопросу о составе участников каспийских походов) // *Великий Волжский путь: Материалы Круглого стола и Межд. науч. семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань. С. 164–172.*
- Коновалова И.Г. 2001б. Функции этногенеалогий в средневековых арабо-персидских источниках // *Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001 г. Материалы конфер. М. С. 94–99.*
- Коновалова И.Г. 2001в. Хорезм и Восточная Европа // *Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е.А.Мельниковой. М. С. 183–190.*
- Крачковский И.Ю. 1957. Избранные сочинения. Т. IV. М.; Л.
- Минорский В.Ф. 1963. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М.
- Минорский В.Ф. 1964. Куда ездили древние русы? // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. I. М. С. 19–27.*
- Мошин В. 1933. Русь и Хазария при Святославе // *Seminarium Kondakovianum. T. VI. Praha. С. 187–208.*
- Новосельцев А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Пархоменко В.А. 1924. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л.
- Пашуто В.Т. 1968. Внешняя политика Древней Руси. М.
- Плетнева С.А. 1986. Хазары. 2-е изд. М.
- Плетнева С.А. 1990. Половцы. М.
- Плетнева С.А. 1996. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж.
- Половой Н.Я. 1961. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. // *ВВ. Т. XX. С. 90–105.*
- Рыбаков Б.А. 1966. Киевская Русь // *История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М.*
- Сахаров А.Н. 1991. Дипломатия Святослава. Изд. 2-е. М.
- Скрынников Р.Г. 1995. Войны Древней Руси // *ВИ. № 11–12. С. 24–38.*
- Толстов С.П. 1948. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.
- Чарный С.А. 2000. Восточный поход Святослава Киевского // *Древности Кубани. Краснодар. Вып. 16. С. 26–32.*
- Якубовский А.Ю. 1946. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // *Изв. АН СССР. Сер. ист. и философ. № 5 (Т. 3). С. 461–472.*
- Dunlop D.M. 1954. *The History of the Jewish Khazars. Princeton.*
- Konvalova I. 1998. *Khwarezm and Eastern Europe in the IX–XIII Centuries (according to written sources) // Information Bulletin of the International Association for the Study of Cultures of Central Asia. Moscow. Issue 21. P. 48–56.*
- Kvalen E. 1931. *Det norske gardariki. Oslo.*
- Marquart J. 1903. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig.*
- Validi Togan A.Z. 1939. *Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig.*